А. С. Пушкин как помещик

А. А. Белых

Андрей Акатович Белых, доктор экономических наук, зам. директора Центра прикладной истории Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: abelykh@inbox.ru

Аннотация. А. С. Пушкин писал, что «дух словесности» частично «зависит от состояния писателей». Это относилось и к самому Пушкину — его жизнь в большой степени зависела от материальных условий. В экономической жизни Пушкина выступал в пяти ипостасях: чиновник, литератор и книгоиздатель, карточный игрок, помещик, горожанин-семьянин. В статье Пушкин рассматривается как помещик. Показано, что по воспитанию и образованию он, как и большинство дворян его времени, не был готов к управлению хозяйством. В деятельности Пушкина как помещика выделяются три периода: 1830–1831 гг. («Помещик»), 1834–1835 гг. («Менеджер») и 1836 г. («Наследник»). Одним из факторов, позволивших Пушкину жениться, стало то, что отец в 1830 г. предоставил ему 200 крестьянских душ в деревне Кистенево. Заложив их в Сохранной казне и получив кредит в размере 40 000 руб., Пушкин смог дать в долг матери Н. Гончаровой 11 000 руб. на приданое и обеспечить расходы на семейную жизнь. В 1834 году, понимая, что родовое имение Болдино находится в сложном финансовом положении, Пушкин решил взять управление делами в свои руки. Он смог получить дополнительный кредит под крестьян, ранее заложенных отцом, поменял управляющего Кистеневым. Однако значимых успехов ему достичь не удалось, и в 1835 году он отказался от управления Болдиным. В 1836 году, после смерти матери, владевшей Михайловским, Пушкин стал одним из наследников и предполагал полностью выкупить имение. Финансовые и другие жизненные обстоятельства не позволили этого сделать. В статье рассчитаны доходы Пушкина как помещика. Сумма составила около 24 тыс. руб. (ранее считалось, что его помещичьи доходы были незначительными). В общей сумме доходов Пушкина эта величина составляет 7,7%. Проведенный анализ показывает, что попытка заняться управлением имениями была ошибкой. Подтверждается сделанный самим Пушкиным вывод о том, что «настоящее место писателя есть его ученый кабинет».

Ключевые слова: Пушкин, крепостное право, Болдино, Михайловское, управление имениями

EDN: HLQTYC

В статье о Вольтере, опубликованной в третьем номере «Современника», А. С. Пушкин писал, что «...несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен» (Пушкин, XII: 78)[1]. О самом Пушкине тоже собрано

1. Произведения и письма Пушкина цитируются по полному академическому изданию с указанием номера тома и страницы.

и опубликовано «множество материалов». Известно, где поэт жил, что читал, каковы были его взаимоотношения с друзьями и противниками, кто из женщин попал в его донжуанский список. Существуют «Летописи» и «Хроники» жизни Пушкина, опубликованы фундаментальные издания документов. Одна лишь библиография отечественных и иностранных работ, посвященных Пушкину, может составить много томов. Тем не менее Пушкин как «человек деловой» и «владелец» (если использовать его слова, сказанные о Вольтере), безусловно, «еще весьма мало известен». Немногочисленные работы, в которых исследуется экономическая жизнь Пушкина, переизданы нами в книге «Пушкин и финансы» (Белых, 2021б). В ней помещена и изданная в 1928 году книга П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», представляющая важный вклад в пушкиноведение. До сих пор это, пожалуй, была единственная работа, в которой рассматривалась деятельность Пушкина как помещика[2]. Сегодня, впрочем, ряд оценок Щеголева нуждается в пересмотре — об этом, в частности, говорится в данной статье.

В нашей статье «А. С. Пушкин: доходы и долги» уже исследовалась деятельность Пушкина как помещика, но основное внимание уделялось только двум аспектам: взаимодействию с банками и получению доходов от имения Кистенево (Белых, 2021б). В настоящем исследовании помимо этих вопросов рассматриваются взгляды Пушкина на взаимоотношения помещиков и крестьян, а также его практическая деятельность по управлению имениями.

Образование и формирование взглядов Пушкина

Для оценки управленческой деятельности Пушкина полезно знать, каковы были его экономические познания и как он умел считать. Изначально эти знания приобретаются при обучении. Хрестоматийные строки «мы все учились понемногу — чему-нибудь и как-нибудь» вполне относятся и к домашнему образованию Пушкина. Воспитателями Пушкина и его сестры Ольги были иностранцы, обучение шло по-французски. По воспоминаниям сестры, учился он лениво, труднее всего ему давалась арифметика. Тем не менее Пушкин смог успешно сдать вступительные экзамены в Лицей.

Лицей был образовательным учреждением нового типа, его проект был разработан выдающимся реформатором М. М. Сперанским. В высочайше утвержденном постановлении о Лицее от 12 августа 1810 года говорилось: «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной. <...> В Лицее преподаются предметы учения,

2. В 2006 году в издательстве «Захаров» вышла книга П. А. Щеголева «Помещик Пушкин и другие очерки», но она содержит только отрывки из его прежних работ.

важным частям Государственной службы приличные и для благовоспитанного юноши необходимо нужные»[3]. Редкий случай — программа обучения была включена в постановление об образовании Лицея, то есть утверждалась самим императором. Обучение было бесплатным, оно длилось шесть лет и приравнивалось к университетскому. Воспитанники жили на полном обеспечении, по-видимому, это повлияло на решение родителей Пушкина отправить его в Лицей.

Вступительные экзамены в Лицей Пушкин сдавал 9 августа 1811 года и получил следующие оценки: «В грамматическом познании языков: российского — *очень хорошо*, французского — *хорошо*, немецкого — *не учился*, в арифметике — *знает до тройного правила*, в познании общих свойств тел — *хорошо*, в начальных основаниях географии и начальных основаниях истории — *имеет сведения*» (ДБ 1, 2007: 146). Понятно, что начальные познания Пушкина в математике были слабыми; тройное правило — это просто правило пропорции. Но, во всяком случае, в постановлении об основании Лицея были зафиксированы требования к знаниям, которые должны быть «потребны для вступления». И в области арифметики было необходимо «знание, по крайней мере до тройного правила» (п. 5). Полученная Пушкиным оценка давала возможность поступить.

В какой степени воспитанники получали экономические знания? В течение всех шести лет лицеистам преподавалась математика, на четвертом году обучения был курс статистики, на пятом году публичное право и «экономия политическая, со сравнением трех главных ее систем: коммерческой, экономистов и Смита». На следующий год воспитанники должны были представить «собственные сочинения на разные предметы экономии политической».

Курс права читал Александр Сергеевич Куницын, известно, что его занятия оказали большое влияние на Пушкина («им светлая лампада зажжена»). В книге «Право естественное» Куницын писал: «Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума... Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы, и как природа людей, несмотря на различие их состояния, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование» (Куницын, 1818: 21). Нет сомнений, что эти идеи Куницын внушал воспитанникам Лицея.

Хотя в постановлении о Лицее говорилось о подготовке воспитанниками самостоятельных работ по политической экономии, возможно, это требование не выполнялось. Во всяком случае, в воспоминаниях лицеистов такие работы не упоминаются.

К сожалению, у нас нет точной информации и о том, как в Лицее преподавались государственная экономия и финансы. Выпуск-

3. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 1. № 24325. Т. 31. С. 310.

ной экзамен по этому предмету Пушкин успешно сдал 23 мая 1817 года. В свидетельстве об окончании Лицея его знания в этой области были признаны «весьма хорошими»[4]. О таких предметах, как статистика и математика, было сказано, что ими Пушкин всего лишь «занимался» (ДБ 1, 2007: 280–281).

По итогам обучения выпускники были разделены на два разряда. Лучшие, попавшие в первый разряд, получили чин титулярного советника (9-й класс в Табели о рангах), а выпускники из второго разряда, в том числе и Пушкин, — чин коллежского секретаря (10-й класс). Пушкин был определен на службу в Коллегию иностранных дел с жалованием 700 руб. в год.

Согласно традиционному представлению о творчестве и деятельности Пушкина, после выхода из Лицея он находился в оппозиции к власти. При этом Пушкин, хотя и получал жалование как чиновник, фактически не нес никаких служебных обязанностей. На противоречивость этой ситуации не могли не обратить внимания современники. Пушкин дружил со многими будущими декабристами, в частности с Николаем Ивановичем Тургеневым. Знаменитую оду «Вольность» Пушкин «вполовину сочинил» в его комнате (Черейский, 1989: 449). В то же время Тургенев выговаривал Пушкину за эпиграммы против правительства, и «не раз давал ему чувствовать, что нельзя брать ни за что жалованье и ругать того, кто дает его». Пушкин даже «вздумал вызвать» Тургенева на дуэль, но потом «письмом просил прощения» (Заозерский, 1926: 121–122).

В 1819 году Пушкин написал стихотворение «Деревня», в нем ярко проявилось то «негодование», о котором писал Куницын. Описывая ситуацию в деревне, Пушкин не жалеет ярких красок: «барство дикое, без чувства, без закона» «насильственно» присвоило «и труд, и собственность, и время земледельца». Известный русский философ Г. П. Федотов в статье «Пушкин: певец империи и свободы» писал: «“Деревня” рисует крепостное рабство в России мрачными, тяжелыми красками. Таким видел его Радищев. Злодейства господ, изображенные здесь, как будто вопиют о мести. Восстание угнетенных было бы в этом случае естественным, даже с художественной точки зрения, разрешением» (Федотов, 2000: 162). Но Пушкин видит решение проблемы в реформе, проводимой «сверху» (Пушкин, II — 1: 83):

> Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
> И рабство, падшее по манию царя,
> И над отечеством свободы просвещенной
> Взойдет ли наконец прекрасная заря?

4. В свидетельствах об окончании Лицея фигурировали четыре вида оценок знаний — «превосходные», «весьма хорошие», «хорошие» и «занимался».

Пушкин ожидает, что рабство будет отменено «по манию царя» и тогда над отечеством взойдет прекрасная заря просвещенной свободы. Строго говоря, в этом стихотворении не было ничего оппозиционного. Более того, известно, что в том же 1819 году оно было представлено Александру I генералом И. В. Васильчиковым. Реакция императора была позитивной — он сказал Васильчикову: «Поблагодарите Пушкина за благородные чувства, вдохновляющие его стихи» (Цявловский, 1958).

Позднее, уже во время южной ссылки, Пушкин возвратился к теме крепостного права. В «Заметках по русской истории XVIII века», датированных 2 августа 1822 года, он высказал мысль о том, что благодаря централизованной государственной власти России удалось избегнуть «чудовищного феодализма», при котором «закоренелое рабство» могло бы быть уничтожено только в результате «страшного потрясения». Его оценка текущего состояния дел была достаточно оптимистичной: «...нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас на ряду с просвещенными народами Европы» (Пушкин, XI: 15). Объединение всех сословий против крепостного права, конечно, очевидное преувеличение Пушкина. Большое число (если не большинство) помещиков были против отмены крепостного права вплоть до начала 1860-х годов. Однако верховная власть, особенно после восстания декабристов, задумывалась о крестьянской реформе. Николай I в течение более 20 лет создал несколько секретных комитетов, которые рассматривали крестьянский вопрос. Только революции 1848 года в Европе привели к остановке этого процесса — вплоть до нового царствования.

Наряду с абстрактным призывом к освобождению крестьян Пушкин выдвинул тезис о первостепенной важности просвещения. В записке «О народном воспитании», поданной Николаю I в ноябре 1826 года, Пушкин, оценивая события 14 декабря 1825 года, утверждал: «...одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» (Пушкин, XI: 44). Неприязнь к революционным потрясениям отразилась и в художественных произведениях Пушкина. Широко известна цитата из повести «Капитанская дочка»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» В «Пропущенной главе» эта сентенция продолжалась так: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (Пушкин, VIII: 383–384).

В 1830-е годы Пушкин сам получил опыт взаимоотношений с крестьянами, уже в качестве помещика. Итогом его размышлений о крестьянском вопросе можно считать заметки 1836 года, получившие название «Путешествие из Москвы в Петербург». Написанные

для печати как альтернатива запрещенной книги А. Н. Радищева, они, конечно, учитывали потенциальные цензурные ограничения. Тем не менее в них отражались взгляды Пушкина. Он вновь возвращается к теме просвещения и формулирует важное положение: «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков» (Пушкин, XI: 258). Нет оснований считать, что Пушкин отказался от юношеских идеалов и перестал надеяться на отмену крепостного права. Но теперь он делает акцент на эволюционном развитии событий, а не на одномоментном «падении рабства» по решению царя.

Описание положения крестьян теперь радикально отличается от картины, представленной в стихотворении «Деревня»: «Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен <...> Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньгу. <...> В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. <...> Конечно: должны еще произойти великие перемены, но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» (Пушкин, XI: 257–258).

Реальность, с которой сам Пушкин столкнулся, став помещиком, была, конечно, совсем иной. К этому мы еще вернемся. Здесь отметим, что рост просвещения должен был бы выражаться не только в увеличении образованности и смягчении нравов, но и в повышении культуры промышленности и земледелия, в успехах науки, том числе аграрной. В России в конце XVIII — начале XIX века прогресс в этой области был достаточно медленным. С. Я. Боровой справедливо отметил, что, хотя и возникали «такие очаги дворянской агроэкономической мысли, как Московское общество сельского хозяйства (1818 г.), Общество сельского хозяйства юга России (1828 г.)», но «все опыты передовой агрикультуры носили, как правило, дилетантский характер и не имели хоть сколько-нибудь заметных экономических последствий» (Боровой, 1958: 180).

Взгляды Пушкина на взаимоотношения помещиков и крестьян нашли отражение не только в его публицистических работах, порой они более четко формулировались в его художественных произведениях. Так, герой незавершенного «Романа в письмах» пишет другу: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипло-

матические депеши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более мы имеем над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении» (Пушкин, VIII — 1: 52–53). Глубокая мысль! Но для хорошего управления крестьянами недостаточно желания, которое, впрочем, у русских помещиков часто отсутствовало. Нужны были знания о сельском хозяйстве и умение управлять, а их не хватало подавляющему большинству помещиков. Не стал исключением и сам Пушкин.

Практическая деятельность

В деятельности Пушкина как помещика можно выделить три периода: 1830–1831 годы («Помещик»), 1834–1835 годы («Менеджер») и 1836 год («Наследник»).

Помещик

Формально помещиком Пушкин стал в 1830 году. В апреле 1830 года он написал родителям, что намерен жениться на Натали Гончаровой, попросил благословения, сообщил о том, что ее состояние расстроенно, и высказал надежду на их помощь. Отношения Пушкина с родителями были далеко не идеальны, но в этот важный момент отец сделал для сына, пожалуй, все, что мог. Формально у Сергея Львовича Пушкина было в Болдине больше тысячи крепостных, но они в основном были заложены под несколько кредитов. В июне 1830 года отец передал Пушкину часть крестьян из принадлежавшего ему в Болдине села Кистенево — 200 свободных от залога душ. По условию передачи Пушкин имел право получать от них доход, использовать в качестве залога по банковскому кредиту, но не мог продавать. Пушкин собирался получить кредит, и для оформления необходимых документов ему нужно было самому поехать в Болдино.

Административные проблемы, связанные с наличием к С. Л. Пушкину финансовых требований, несколько затянули оформление передачи крестьян, и Пушкин смог отправиться в путь только в конце августа 1830 года. Он приехал в Болдино 4 сентября. Началась знаменитая первая болдинская осень. Из-за эпидемии холеры и введенных карантинов Пушкин смог уехать из Болдина только 29 ноября. За это время он написал более 60 произведений, включая последние главы (8-ю и 9-ю) «Евгения Онегина», маленькие трагедии и «Повести Белкина».

Нас, конечно, интересуют хозяйственные дела Пушкина. Прежде всего, ему необходимо было поименно разделить 476 крестьян, проживавших в Кистеневе, на тех, кто оставался у отца, и тех, кто переходил к нему. 11 сентября Пушкин подал в уездный суд проше-

ние о вводе во владение имения. 16 сентября 1830 года он получил Вводный лист на владение Кистеневым. В тот же день 69 крестьян, являвшихся представителями 200 душ мужского пола, подписали Присяжный лист, приняв обязательство «быть в полном повиновении и послушании» у нового помещика (ДБ 2, 2010: 100). Позднее, 6 октября, произошло разделение земли — на землю Сергея Львовича и на землю Александра Сергеевича. 17 октября Пушкин получил Свидетельство Нижегородской палаты гражданского суда о благонадежности залога Кистенева, в котором говорилось: «Споров на сие имение не имеется, указного ареста и запрещения нет, казенной недоимки не числится» (ДБ 2, 2010: 120). Этот документ был необходим Пушкину для получения кредита под залог имения — ни один банк не выдал бы кредита под залог актива, имеющего обременение. На самом деле, о чем в Нижнем Новгороде еще не знали, накануне, 16 октября, Санкт-Петербургская палата гражданского суда наложила арест на имение Пушкина за неплатеж 500 руб. некоему В. И. Кистеру[5] по заемному письму Пушкина 1820 года. Письмо было выдано в связи с карточным проигрышем. Этот арест сыграл свою роль позднее, при обращении Пушкина за кредитом (об этом ниже).

О действиях Пушкина как помещика в период первого пребывания в Болдине не осталось почти никаких свидетельств. Скорее всего крестьянскими делами он просто не занимался. Сохранилось письмо кистеневских крестьян Пушкину, в котором они просили «избавить нас от нынешнего правления» (имелся в виду Михайло Калашников) и разрешить им выбрать своего начальника (ДБ 2, 2010: 105). Пушкин на эту просьбу не отреагировал. Во время михайловской ссылки дочь Калашникова Ольга была его любовницей и забеременела[6]. В 1825 году Калашников с семьей был отправлен в Болдино, где Ольга родила сына, который вскоре умер. Возможно, все это стало причиной снисходительного отношения Пушкина к Калашникову.

Еще одно событие — известная по рассказу самого Пушкина проповедь крестьянам, произнесенная с амвона: «Холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!» (Боборыкин, 1965: 66). Крестьяне Кистенева находились на оброке, который взимался трижды в год — были мартовская, июльская и ноябрьская

5. Кистер был дельцом, покупавшим и продававшим векселя.
6. Автор серьезных исследований по истории крестьянского вопроса в России А. Н. Долгих, упомянув об этом романе Пушкина с крепостной крестьянкой, утверждал, что «в стихотворении “Деревня” поэт, очевидно, признавался и в своих собственных грехах: “Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея...”» (Долгих, 2016: 67). Долгих не обратил внимания на то, что «Деревня» написана в 1819 году, а в Михайловское Пушкин был сослан в 1822 году.

трети. Величина оброка была 18 руб. в год с одной души, то есть сумма оброка, причитавшаяся Пушкину, составляла 3600 руб. в год. Видимо, проблемы с его сбором действительно существовали, иначе не было бы необходимости в пушкинской проповеди.

Пушкин уехал из Болдина 29 ноября и прибыл в Москву 5 декабря. Он предполагал взять кредит в Московской Сохранной казне, хотя основное время он проводил не в Москве. Понятно, почему он обратился в Московскую, а не в Санкт-Петербургскую казну, где кредитовался его отец. Это был, прежде всего, вопрос логистики и пересылки документов. Для получения кредита необходимо было собрать справки о залоге, а Кистенево находилось в Нижегородской губернии, оно было намного ближе к Москве, чем к Санкт-Петербургу.

Когда Пушкин приехал в Москву, Сохранная казна была еще закрыта из-за карантина, об этом Пушкин пишет П. А. Плетневу 9 декабря: «...ломбард закрыт и я на мели». К сожалению, нам неизвестно, когда Пушкин смог подать заявку на кредит, сколько времени и как она рассматривалась. В всяком случае, 29 января 1831 года в журнале Сохранной казны Московского опекунского совета появилась запись: «10 класса чиновнику Александру Сергеевичу Пушкину под деревню выдано января 29 дня 40 000 руб.» (ДБ 2, 2010: 140). Величина кредита определялась просто. По закону, за заложенную крестьянскую душу из деревень, расположенных в губерниях первого разряда, полагалось выдавать 200 руб. кредита. Сельцо Кистенево находилось как раз в такой губернии — в Нижегородской, поэтому при залоге 200 крестьян общая сумма кредита составляла 40 тыс. руб.

Пушкин писал Плетневу 16 февраля 1831 года: «...заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым, — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное» (Пушкин, XIV: 152). Но при этом возникает вопрос: почему Пушкин пишет только о 38 тыс. руб.?

Прежде всего отметим, что условия кредитования для Пушкина были достаточно благоприятными. Он взял кредит на 37 лет, а с 1 января 1830 года ставка по таким кредитам была снижена до 5% годовых, годовое погашение основного долга составляло 1%, итого — 6%. При этом не производился вычет 5% от суммы кредита в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 года (для Пушкина это было бы 2 тыс. руб.). Правда, при выдаче кредита взималась комиссия в размере 1,5%[7]. Для «банковых установлений», как тогда назывались банки и сохранные казны, законодательно определялся и график погашения долга.

7. ПСЗ-2. № 3399. Т. 5. Ч. 1. С. 4. § 4.2 b.

При получении кредита 1,5% от 40 тыс. руб., то есть 600 руб. были вычтены в пользу Сохранной казны. Кроме того, к моменту выдачи Пушкину кредита до Московской сохранной казны дошла информация Петербургской сохранной казны об аресте средств по иску Кистера, поэтому было решено «500 р. с неустойкою и процентами вдвое 1000 р., обратить в Сохранную Казну впредь до разрешения, и билет хранить Казначею с денежною Казною особо»[8]. Итак, уменьшение суммы на 1600 руб. до 38 400 руб. объяснено, логично предположить, что Пушкин в письме Плетневу просто округлил сумму.

Однако по правилам Сохранной казны Пушкин должен был стать вкладчиком. «И он внес в кассу казны 1000 руб. В алфавите вкладчиков появляется запись: “1831 г. февраль. 10 класса Пушкин Александр Сергеевич № 41862”» (Пушкин Ю., 1974: 3). Как будто возникает противоречие: сумма денег, полученных Пушкиным, должна была уменьшиться до 37 400 руб. Вероятность ошибки Ю. Пушкина почти исключена — он сам был сотрудником архива, в котором хранились документы Сохранной казны. По-видимому, внесенные Пушкиным средства были оформлены в виде вкладного билета и именно об этом билете шла речь в процитированном выше решении Сохранной казны. Попросту говоря, вклад Пушкина был заблокирован до решения вопроса о претензии Кистера.

По поводу экономического значения Кистенева у исследователей господствует точка зрения, высказанная еще Б. М. Модзалевским: «Именьице было небольшое и захудалое, и пользы Пушкину было от него мало... — тем более что перед свадьбой он заложил его тысяч за 40, — и впоследствии доходы шли главным образом на покрытие долга Опекунскому совету» (Модзалевский, 1928: 464).

Прежде всего отметим, что единовременное получение под залог имения крупной суммы денег — уже немалая польза. Не будь у Пушкина этих денег, женитьба на Наталье Гончаровой просто не состоялась бы, и вся история его жизни сложилась бы иначе.

Экономика полученного кредита выглядела совсем неплохо. Ежегодные платежи в Сохранную казну составляли 6% от суммы кредита, то есть 2400 руб., годовой доход от оброка — 3600 руб. Итак, формально — 38 тыс. руб. сразу и чистый годовой доход в 1200 руб. — это вполне приемлемая схема. Впрочем, с самого начала кое-что пошло не так. Пушкин, взяв кредит в январе 1831 года, только через полгода, 3 августа, в письме П. В. Нащокину попросил его узнать у знакомого служащего Сохранной казны, сколько и когда нужно платить процентов. Постскриптум письма тоже замечателен: «Да растолкуй мне, сделай милость, каким образом платят в Ломбард. Самому ли мне приехать? Доверенность ли кому прислать? или по почте отослать деньги?» (Пушкин, XI: 204). Странно,

8. Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 127. Оп. 1. Д. 321. Л. 47 об.

что Пушкин не удосужился спросить об этом при получении кредита. Конечно, все три варианта платежей были возможны, правда, при почтовой пересылке возникали дополнительные затраты. Собственно, текст этого письма — это все, что нужно знать о Пушкине как заемщике. Неизвестно, ответил ли Нащокин на эти вопросы и узнал ли Пушкин, как можно вносить платежи. Известно лишь, что он не платил по кредиту первые три года.

Вернемся к письму Пушкина Плетневу. Он пишет, что дал теще 11 тыс. руб. потому, что ее «дочь должна быть с приданым». Якобы у Гончаровых не было денег, поэтому Пушкину пришлось дать в долг будущей теще Наталье Ивановне 11 тыс. руб. Вопрос о приданом обсуждался еще в 1830 году. Поначалу предполагалось, что дедушка Афанасий Николаевич даст Наталье 300 душ, и Наталья Ивановна еще 200. Пятьсот душ — вполне солидное приданое. Но оказалось, что имения Афанасия Николаевича обременены залогами, на предполагавшемся в качестве приданого имении висел большой долг, который пришлось бы отдавать самому Пушкину. Возникли и технические препятствия. Наталья Ивановна сама была помещицей, в ее имении в Яропольце было больше 1700 душ, и значительная доля крестьян не была заложена. Однако она отказалась выделять часть своего имения дочери под тем предлогом, что Пушкин впоследствии мог продать полученную собственность кому-то, кто станет для нее неприятным соседом. Предлог был явно надуманным — в дарственной можно было прописать запрет на продажу либо требование согласования покупателя. Таким образом, помещичьи владения Пушкина в результате женитьбы не увеличились.

Традиционно в пушкинистике считается, что семейство Гончаровых находилось в очень стесненных обстоятельствах. Изучение архива Гончаровых позволяет внести в это представление существенные корректировки, однако анализ финансов Гончаровых и их денежных взаимоотношений с Пушкиным заслуживает отдельной публикации. Здесь все же отметим, что наличие больших долгов не помешало А. Н. Гончарову 11 февраля 1831 года получить от купцов Чешихина и Прянишникова заем в размере 100 000 руб.[9] Знал ли Пушкин об этом конкретном событии, неизвестно, но, очевидно, он понимал — деньги у Гончарова есть. Видимо, в этом причина резкой характеристики Афанасия Николаевича, данная Пушкиным в письме Нащокину в октябре 1831 года: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000[10] — и ничего своей внучке не дает» (Пушкин, XIV: 237).

9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 196. Л. 2.

10. Отметим, что сумма долга Н. И. Гончаровой Пушкину была не 12 000, а 11 000 руб.

Пушкин женился на Наталье Гончаровой 18 февраля 1831 года. Тема Кистенева, проживающих там крестьян надолго перестала быть в центре его внимания. 17 мая управляющий селом М. И. Калашников послал Пушкину письмо, в котором докладывал о благополучной обстановке в имении, спрашивал разрешения увеличить размер оброка (примерно на 12%) и утверждал, что это не приведет к росту недоимок (ДБ 2, 2010: 155). Пушкин, по-видимому, на письмо не ответил, либо письмо не сохранилось. Во всяком случае, размер оброка не был увеличен.

Следующее посещение Болдина состоялось в 1833 году. Пушкин приехал 1 октября и уехал 9 ноября. С писательской точки зрения вторая болдинская осень тоже была плодотворной: написаны «Медный всадник», «Пиковая дама», Пушкин работал над «Историей Пугачева». Хозяйственными делами, по-видимому, он интересовался несколько больше, чем в прошлый приезд. У него даже возникла мысль приобрести соседнее имение умершего в 1830 году дяди, Василия Львовича. По поручению Пушкина Калашников запросил справки о положении дел в имении: оказалось, что оно было обременено большими долгами, существовали задолженности по платежам.

В конце октября Пушкин получил челобитную, состоящую из 12 пунктов: крестьяне жаловались, что от управления Калашникова они пришли в «великое разорение» (ДБ 2, 2010: 335–337). Пушкин опять никакого решения не принял.

Сергей Львович Пушкин был недоволен Калашниковым и для своей части имения подыскал нового управляющего — белорусского дворянина И. М. Пеньковского. Сергей Львович хотел получить объективную информацию о Болдине и просил сына разобраться с положением дел в имении. Пушкин просьбу отца выполнил. 6 ноября 1833 года он писал жене: «Здесь я было вздумал взять наследство Вас.<илия> Льв.<овича>. Но опека так [ограбит] ограбила его, что <нельз>я и подумать; разве не заступится ли Бенкендорф: попробую, приехав в П.<етер>Б.<ург>. При сем письмо к отцу» (Пушкин, XV: 93). К сожалению, это письмо Пушкина к отцу не сохранилось. Фраза про ограбление имения Опекой выглядит довольно странно — разве опекуны набрали долгов, потратили деньги и не соблюдали график платежей по кредитам?

Близкое знакомство с положением дел в имении привело Пушкина к мысли о том, что Болдино нужно спасать, иначе оно будет разорено и родители на старости лет останутся без средств. Он принял решение самому взяться за управление. Из Болдина Пушкин 9 ноября выехал в Москву, затем в Петербург. В столицу 22 ноября из Михайловского приехали его родители. Уже 24 ноября 1833 года Пушкин в письме к Нащокину сообщал: «Отца видел, он очень рад моему предложению взять Болдино. Денег у него нет» (Пушкин, XV: 96).

ИСТОРИЯ

Пушкин принял управление Болдиным в апреле 1834 года. В какой степени он был готов к этому? Вспомним толки жителей города NN, узнавших, что Чичиков покупает крестьян на вывод в Херсонскую губернию. Управляющий казенными фабриками доказывал, что крестьяне должны быть «пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах» и «не полагаясь на другого». Ему возражали: зачем возиться самому, Чичиков может найти управителя. «Да, найдете управителя: все мошенники!» — «Мошенники потому, что господа не занимаются делом». — «Это правда, — подхватили многие. — Знай господин сам хотя сколько-нибудь толку в хозяйстве да умей различать людей — у него будет всегда хороший управитель» (Гоголь, 2012: 146). Действительно, для успеха топ-менеджеру необходимо понимать свой бизнес и уметь подбирать людей.

Фактически Пушкин взял на себя функции кризисного менеджера. При этом он, конечно, не разбирался в сельском хозяйстве. Тем не менее его первые шаги в сфере управления были совершенно правильными. Сначала Пушкин решил получить информацию о текущем состоянии дел в имении — с момента отъезда из Болдина прошло уже пять месяцев, да и тогда он вряд ли интересовался экономикой имения. 13 апреля он сообщает Пеньковскому, что по делам Болдина тот должен обращаться к нему, требует отчета о средствах, переданных Пеньковским отцу, об остатках хлеба, несобранном оброке и недоимках. Он также дает задание подготовить к сентябрю подворную опись Болдина (Пушкин, XV: 126). Пушкин завел тетрадь для учета доходов и расходов («Щеты по части управления Болдина и Кистенева»). Конечно, ведение «щетов» отнимало у него немало времени.

На самом деле у Пеньковского еще в январе была подготовлена подробная опись Болдина на 1 января 1834 года: для каждого двора указывалось наличие лошадей, коров, иного домашнего скота, а также запасов хлеба (Летописи..., 1936: 127–132). Правда, в этой описи была информация только о той части, которая относилась к имению Сергея Львовича. Однако, поскольку доля крестьян, переданных Пушкину, составляла около 20% от общего числа, эти данные были вполне показательны для всего Болдина. Вспомним, что Пушкин считал, что корова у крестьянина в Европе — роскошь, а в России отсутствие коровы — ужасающая бедность. Для села Болдино на 152 двора приходилось 144 коровы, при этом у 62 дворов вообще не было ни одной коровы. Для Кистенева (в отцовской части) в 80 дворах было 96 коров, но в 26 дворах коров не имелось. В целом доля крестьян, не имевших коров, составляла 38%. В обоих селах у 65 дворов не было лошадей — 28%. Эта картина сильно отличалась от благостного описания положения русского крестьянина в «Путешествии из Москвы в Петербург». Напомним также, что в этой работе Пушкин с одобрением пишет

о том, что крестьянин порой уходит на заработки на 2000 верст. Но при этом, как жаловался ему управляющий, «...болдинские крестьяне оброчные, которые проживают для заработков в Уральском и в разных отдаленных местах, оттуда не высылают оброка, за ними весь мартовский и петровский оброк, по оному случаю никак невозможно исправно доставлять оный, всего тягол 30 в отлучке» (ДБ 2, 2010: 422).

Второе, что Пушкину было необходимо сделать, это понять, что происходит с кредитной задолженностью. По его просьбе С. А. Соболевский в середине апреля получил в Опеке справку о займах Сергея Львовича и о его просроченной задолженности. Общая сумма текущей задолженности по шести займам составила около 177 тыс. руб., ежегодно нужно было платить 11,8 тыс. руб., просрочка равнялась 11 тыс. руб. (ДБ 2, 2010: 406–407). Впрочем, в имении были еще 74 не заложенные души. Кроме того, Соболевский полагал, что можно было оформить дополнительный кредит (надбавку) под залог уже заложенных душ. С. В. Березкина отметила, что Пушкин «странным образом» не передал эту справку Пеньковскому, который «постоянно путался в выплатах по займам, предполагая ошибки и двойные взыскания со стороны Опекунского совета» (Там же). Действительно, у отца Пушкина было два займа по 20 тыс. руб. и два займа по 5 тыс. руб., взятые в разное время, — ошибиться в графике платежей, не имея точных данных о структуре задолженности, было очень легко.

То, что Пушкин не дал необходимой информации Пеньковскому — очевидная управленческая ошибка, даже если учесть, что он собирался поставить вместо него нового управляющего — немца Карла Рейхмана (при передаче дел Пеньковский сообщил бы ему все необходимые данные о платежах). П. А. Осипова, владелица соседнего с Михайловским имения Тригорское, предупреждала Пушкина в письме от 17 июня 1834 года, что Рейхман — честный дурак и не сможет толком управлять. В ответном письме от 29 июня Пушкин четко сформулировал свою позицию: «Я не могу довериться ни Михайле <Калашникову>, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным и платить проценты в Ломбард. Улучшения придут впоследствии» (Пушкин, XV: 330). Впрочем, Осипова волновалась напрасно: Рейхман приехал в Болдино 30 мая, ознакомился с ситуацией, понял, что не справится, обнаружил злоупотребления Калашникова и через две недели уехал.

Цели, которые Пушкин поставил перед собой, были достаточно скромными: для того чтобы не было воровства и осуществлялись регулярные платежи по кредитам, не нужно было пытаться управлять самому, достаточным стало бы назначение хорошего управляющего. Таким, в чем Пушкин в конце концов убедился, был Пень-

ковский. В итоге, когда Пушкин отказался от управления имением, Пеньковский вполне справлялся со всеми задачами.

Но летом 1834 года Пушкин еще не был уверен, кому можно доверить управление. Пока же он занялся кредитными делами. Он попытался получить дополнительный кредит под своих уже заложенных крестьян. В принципе можно было получить добавку в 50 руб. за каждую крестьянскую душу, но для этого требовалось, чтобы у его крестьян было не менее 5 десятин на душу. В Кистеневе земли было мало: на 476 крестьян приходилась 1461 десятина 91 квадратная сажень. В среднем чуть больше трех десятин на одного крестьянина. При первоначальном получении кредита такой показатель не имел значения, но такая низкая обеспеченность крестьян землей сделала получение дополнительных денег невозможным. Такое правило может показаться бюрократическим препятствием, однако на самом деле в нем была вполне понятная логика. Сохранная казна исходила из того, что помещик должен погасить кредит, а доходы помещика зависели от крестьян. Для согласия Казны на увеличение суммы кредита под залог уже находящихся в залоге крестьян, у нее должна быть уверенность, что они смогут обеспечить помещику доход, достаточный для погашения увеличенного кредита. Следовательно, у этих крестьян должно быть достаточно земли.

Единственное, что Пушкин смог сделать, это оформить кредит под еще не заложенных отцовских крестьян. 19 июля 1834 года под залог 76 душ было получено 13 242 руб. (ДБ 2, 2010: 407). Собственно, новый кредит составлял 15 200 руб., но полученная на руки сумма была уменьшена из-за комиссии Казны в размере 1,5% и необходимости погасить имевшуюся у Сергея Львовича задолженность по платежам. Вся эта хозяйственная деятельность раздражала Пушкина, 15 июля он писал жене в Полотняный завод: «У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на все это плюну — и <за>ймусь своими делами» (Пушкин, XV: 181).

Пушкин мог бы получить новый кредит и для себя — к 1834 году число принадлежащих ему мужчин в Кистеневе, по сравнению с 1831 годом, увеличилось, по новой переписи их числилось уже 226 человек (ДБ 2, 2010: 409). 2 мая 1834 года Калашников советовал Пушкину заложить этих новых крестьян, поскольку все равно нужно было заниматься кредитом Сергея Львовича. Действительно, оформлять в залог 102 или 76 человек — разница невелика. То, что Сергей Львович кредитовался в Петербургской Сохранной казне, а Пушкин — в Московской, не стало бы большой проблемой. Дополнительные доходы — 26 душ × 200 руб. = 6200 руб. — были бы для Пушкина совсем не лишними (комиссия в 1,5% составила бы всего 93 руб.). Но по непонятным причинам Пушкин этому совету не последовал — это было еще одной управленческой ошибкой.

Третий и последний раз Пушкин приехал в Болдино 13 сентября 1834 года. Значимых хозяйственных решений, по-видимому, Пуш-

кин и в этот приезд не принимал, но сменил старосту Кистенева П. Петрова (в связи с жалобами крестьян) и наконец решил дать отставку Калашникову. Теперь управляющим и Болдиным и Кистеневым стал Пеньковский. Странно, но у Пушкина вновь возникли мысли о покупке части Болдина, принадлежавшей В. Л. Пушкину, и во время приезда он вел об этом переговоры. Естественно, никаких результатов они не дали.

По-видимому, Пушкин рассчитывал, что в Болдине его вновь посетит вдохновение. Но что-то пошло не так, литературные дела не задались: была написана только «Сказка о золотом петушке». Около 25 сентября он писал жене: «Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь» (Пушкин, XV: 192–193). «Расписаться» не получилось, Пушкин отправился в дорогу уже 30 сентября. Это посещение Болдина было самым коротким — он пробыл там только 17 дней.

Занимаясь делами семейства, Пушкин как будто забыл о том, что у него есть свой кредит. Еще в начале 1832 года надо было внести в Сохранную казну 2400 руб., но он этого не сделал. По уставу Сохранной казны, при отсутствии своевременного платежа заемщику предоставлялся льготный период в 4 месяца — «на исправление». Если заемщик за это время вносил треть от нужной суммы, ему давалось дополнительно 4 месяца, а при внесении еще одной трети — еще 4 месяца на уплату всего оставшегося долга. При невыполнении хотя бы одного из этих условий заемщику должно было поступать требование о немедленной уплате всего долга, а в случае неуплаты заложенное имение поступало в управление Опекунского совета. Схема вполне логичная и достаточно лояльная по отношению к заемщикам.

Пушкин не вносил платежей не только за 1832, но и за 1833 и 1834 годы. Сумма накопившегося долга составила 7200 руб. (2400 руб. за каждый год). Сохранная казна длительное время не обращала на это внимания, что говорит о низкой эффективности ее работы. Только в октябре 1834 года дело дошло суда. В конце октября Пеньковский сообщил Пушкину об угрозе описи Кистенева. 10 ноября Пушкин ответил, что долг оплатит сам, «а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки» (Пушкин, XV: 200–201). Оплату Пушкин не произвел, но дал Пеньковскому поручение добиться отсрочки на 4 месяца. После трех лет просрочки и при полном отсутствии платежей добиваться еще 4 месяцев отсрочки — эта задача была явно невыполнимой. Пеньковскому, конечно, отказали, и он, понимая, что Кистенево вот-вот отнимут, без разрешения Пушкина произвел требуемый платеж. При этом Пеньковский частично использовал пушкинские деньги из кистеневского оброка, а 4920 руб. взял из болдинских доходов Сергея Львовича. Об этом Пеньковский написал Пушкину 9 апреля 1835 года. Пушкин молчаливо согласился с его действиями. Комментируя эту ситуацию, Березкина делает правильный вывод: «Деньги за Кистенево, взятые из доходов Сер-

гея Львовича, не были возмещены сыном, и это, по сути дела, было вознаграждение за управление нижегородскими имениями» (ДБ 2, 2010: 466). Щеголев полагал, что «с момента вступления в управление имением для себя лично Пушкин не пользовался крепостными доходами» (Белых, 2021а: 351). Это мнение Щеголева, как отметила Березкина, было ошибочным (ДБ 2, 2010: 527).

В 1835 году Пушкин, по-видимому, не предпринимал никаких действий по управлению отцовским имением, во всяком случае, документов об этом не сохранилось. Но его, безусловно, тяготила ответственность.

9 апреля 1835 года Пеньковский предложил Пушкину перевести всех оброчных крестьян на барщину, что, по его мнению, увеличило бы его доход до 30 тыс. руб. Пеньковский писал также, что «на уход земли сделал 45 борон железных» (ДБ II, 2010: 526). Использование железной бороны — единственное упоминание о технологических усовершенствованиях в хозяйствах Пушкиных. Переход на барщину действительно был бы выгоднее для помещика Пушкина: управляющему было бы проще контролировать работу крестьян, а при сборе оброка были значительные недоимки.

Пушкин ничего не ответил, он уже был готов отказаться от управления Болдиным. Об этом он сообщил Пеньковскому в письме от 1 мая 1835 года: «Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июне думаю быть у вас. Дела мои в П.<етер>Б.<урге> приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно, все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник.<олай> Ив.<анович> Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л.<ьву> С.<ергеевичу>, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки. На днях буду писать вам обстоятельнее» (Пушкин, XVI: 22–23).

Более обстоятельного письма Пеньковскому Пушкин, насколько нам известно, не написал, да и о чем ему было писать — распоряжение было совершенно ясным и четким. В то же время пушкинская формулировка об «одобрении предположений» Пеньковского вряд ли позволила бы тому полностью отменить оброк и перевести всех крестьян на барщину.

Пушкин в Болдино больше не приезжал и экономическими проблемами имения отца не занимался. Приняв решение о том, что доходы от его кистеневских крестьян будут поступать сестре и ее мужу, он потерял интерес и к своим крепостным. Когда Павлищев стал выяснять у Пеньковского, можно ли увеличить доход от Кистенева, тот 28 апреля 1836 года обратился к Пушкину. По мнению Пеньковского, это было возможно только путем увеличения оброка (ДБ 2, 2010: 672). По-видимому, Пеньковский помнил, что Пушкин ничего не сказал на его предложение о пе-

реходе на барщину. В письме от 14 июня 1836 года Пушкин ответил ему на оба вопроса, и о барщине, и об оброке: «Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то с Богом. Но вряд ли это возможно будет» (Пушкин, XVI: 127). На самом деле, и Калашников и Пеньковский постепенно переводили оброчных крестьян «на пашню», то есть на барщину, не дожидаясь согласования со стороны Пушкина (ДБ 2, 2010: 422, 526).

Щеголев дал следующую оценку менеджменту Пушкина: «Результаты управления: Пушкин провел операцию залога кистеневских душ и заткнул дыры в болдинском хозяйстве, погасил скопившиеся недоимки и освободил имение от угрозы описи и взятия в опеку. Но некоторый материальный успех не уравновешивается моральным уроном. Хлопоты отравили существование самому Пушкину и не прибавили фавору у родственников. <...> Одна простодушная Ольга Сергеевна вступилась перед мужем в защиту брата: “Он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой”» (Белых, 2021а: 365).

С оценкой Щеголева согласиться сложно. Залог крестьян был стандартной операцией, ее мог провести любой уполномоченный человек. Недоимки были погашены не Пушкиным, а управляющим Пеньковским. Утверждение Щеголева об освобождении имения от угрозы описи просто неверно. В мае 1835 года Пушкин отказался от управления, а уже в июне Пеньковский писал ему, что «в сельце Кистеневе в части Сергея Львовича производится опись» (Пушкин, XVI: 31). Архивные данные свидетельствуют, что попытки описи имений Сергея Львовича происходили неоднократно. В своем письме Пеньковский просил дать ему возможность самому совершать платежи в Опекунский совет, что, конечно, упростило бы процедуру, однако Пушкин таких полномочий ему не предоставил. Причина понятна: он отказался от управления имением отца и не имел полномочий давать распоряжения по управлению его доходами.

Какова же была общая величина доходов Пушкина как помещика? Щеголев, основываясь на «щетах» Пушкина, приводит несколько цифр: общая сумма за 1834 год — 1060 руб. дохода. В 1835 году, как писал Щеголев, прихода не было (Белых, 2021а: 356–357, 362). Это неверно, но ошибка Щеголева объясняется просто: Пушкин, при ведении счетов, акцентировал внимание на расходах и не вносил всех доходов, получаемых от Кистенева и Болдина. В работе (Белых, 2021б) показано, что в 1831–1833 годах оброк получался в сумме 3600 руб. в год, т.е. составил 10 800 руб., и дана оценка оброка за последующие годы — около 8000 руб.; итого — 18 800 руб. (Пушкин распорядился, чтобы с мая 1835 года полагающийся ему оброк поступал сестре Ольге). Если добавить 4920 руб., о которых говорилось выше, то доход Пушкина от нижегородских имений составил 23 700 руб.

ИСТОРИЯ

Надежда Осиповна, мать Пушкина, сама была помещицей, ей принадлежало Михайловское. После того как 29 марта 1836 года она умерла, возникли вопросы, связанные с делением наследства тремя детьми и мужем. По действовавшему законодательству муж, Сергей Львович, должен был получить одну седьмую часть, дочь Ольга — одну четырнадцатую, остальное должно было быть разделено поровну между сыновьями — Александром и Львом. Таким образом, Пушкину причиталось 11/28 наследства, то есть около 40% (подробнее см.: Белых, 2024б).

Теоретически можно считать, что в 1836 году Пушкин мог бы получить 40% от доходов Михайловского за 9 месяцев — с апреля по декабрь. К сожалению, данных о размерах этих доходов найти не удалось. Существует только письмо Павлищева Пушкину от 11 июля 1836 года, в котором дано описание экономического положения Михайловского (Пушкин, XVI: 136–139). В это время Павлищев находился в Михайловском, он упоминает о том, что ему удалось получить приходно-расходную книгу за 1835 год (о дальнейшей судьбе этой книги ничего не известно). Ведомости приходов и расходов за 1836 год должен был вести староста, назначенный Павлищевым, но выполнил ли он это поручение и если да, то сохранились ли эти ведомости, также неизвестно. В своем письме Павлищев утверждал, на основании данных за 1835 год, что Михайловское приносило годовой доход в 3600 руб. Поскольку предполагалось, что Пушкин выкупит доли остальных наследников, от доходности имения зависела цена выкупа. Задачей Павлищева было доказать, что Михайловское имеет высокие доходы, поэтому к его данным надо относиться с осторожностью. Более реалистичной представляется оценка Щеголева, хорошо знакомого с документами о Михайловском: «...доход с него был ничтожный, около 2000–3000 руб. ассигнациями» (Белых, 2021а: 312). Отметим, что Михайловское было совсем небольшим имением и для того количества крепостных, которое в нем было, такой доход был нормальным. Примем среднюю оценку — 2500 руб., 40% от этой величины составляет 1000 руб. за год, за 9 месяцев Пушкин мог бы получить 750 руб.

Общий доход Пушкина как помещика составил около 24 450 тыс. руб. (23 700 + 750). Основная часть этой суммы — точные величины, взятые из документов, меньшая часть — 8750 руб. — наша оценка. Но важно соотношение доходов Пушкина как помещика с другими его доходами, а они тоже имеют оценочную компоненту. Доходы Пушкина от литературной и издательской деятельности составляли около 260 000 руб., жалование чиновника — 30 350 руб. (Белых, 2021б: 78).

Итак, общая сумма доходов Пушкина составляла 314 800 руб. (260 000 + 30 350 + 24 450), при этом доля помещичьих доходов — 7,77%. Эта доля невелика, но она значительнее, чем принято считать.

Заключение

Пушкин был сторонником отмены крепостного права, но если в молодости он, по-видимому, надеялся на быстрое решение этого вопроса, то впоследствии стал рассчитывать на эволюцию, на постепенное распространение просвещения. Вместе с тем не стоит впадать в крайности. Так, утверждается, что «стоит отказаться от трактовки великого нашего национального поэта как поэта крестьянского и ярого борца за освобождение крепостных. Данный вопрос, конечно, был в орбите его интересов, но отнюдь не преобладал в них, и об этом надо говорить прямо» (Долгих, 2016: 69). Никто из серьезных пушкинистов даже в советское время не пытался представить Пушкина ни «крестьянским поэтом», ни «ярым борцом за освобождение крепостных». Исследователь несколько наивно упрекает Пушкина в том, что «в своих деревнях он не проводил даже тех скромных преобразований, что делали тот же реальный Тургенев или виртуальный Онегин ("Ярем он барщины старинной оброком легким заменил...")» (Долгих, 2016: 67). О каких пушкинских деревнях идет речь, неясно, во всяком случае в Кистеневе крестьяне и так были на оброке.

По своему воспитанию и образованию Пушкин не был готов к управлению помещичьим хозяйством. Он обладал определенными знаниями об экономике и экономической науке, полученными в Лицее, но в аграрных вопросах он не разбирался и экономикой сельского хозяйства не интересовался. В библиотеке Пушкина было несколько номеров «Журнала общеполезных сведений» за 1835 год, содержащих данные о промышленности и сельском хозяйстве. Однако этот журнал был ему подарен и номера остались неразрезанными.

Пушкины не были квалифицированными эффективными помещиками. Да, имения были заложены, платежи вовремя не вносились. Но это было массовым явлением. Статистика Нижегородского уезда свидетельствует, что «с конца XVIII века до падения крепостного права 65% помещичьих имений состояло в Опеке за долги. Из 221 селения в уезде с помещичьими крестьянами описи за долги подверглись 143 селения» (Снежневский, 1905: 10). Деньги, получаемые помещиками в банках, тратились на личные нужды и практически не использовались для развития сельского хозяйства. Пушкины и в этом не отличались от большинства помещиков. Выше мы приводили цитату из письма Пушкина Осиповой, в котором он сформулировал свои цели: не быть обворованным и иметь достаточно доходов для платежей по кредиту. Об улучшениях, считал Пушкин, можно будет подумать потом.

То, что Сохранная казна недостаточно жестко контролировала платежи Пушкиных, было обычным явлением. При высокой степени задолженности помещиков банкам реальное изъятие залогов происходило редко. По официальным данным, с 1824 по 1837 год

было продано за долги только 25 поместий (с 3696 душами) и обращено в собственность казны (с уплатой банковского долга) три поместья с 13 336 душами (Боровой, 1958: 187).

Коротко говоря, деятельность Пушкина как помещика была совершенно обычной для своего времени. И это понятно — он был гением в литературе и великим человеком, однако из этого не следовало, что он мог быть хорошим менеджером в аграрной сфере. Поэт сам это понимал, и мы закончим наше исследование последней фразой Пушкина из статьи о Вольтере: «Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы» (Пушкин, XII: 81).

Библиография

ДБ 1. (2007). Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии: 1799–1829 / Вступ. ст., сост. В. П. Старк; подгот. текста С. В. Берёзкиной, И. В. Васильевой и др., примеч. С. В. Берёзкиной, В. П. Старка. СПб.: Искусство-СПб.

ДБ 2. (2010). Александр Сергеевич Пушкин. Документы к биографии: 1830–1837 / Сост. С. В. Берёзкина, В. П. Старк; подгот. текста С. В. Берёзкиной, И. В. Васильевой и др.; примеч. С. В. Берёзкиной. СПб.: Пушкинский Дом.

Архив опеки Пушкина (1939). Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5. Ред. и комм. П. С. Попова. М.: Гос. лит. музей.

Белых А. А. (2024а). Пушкин, семья, деньги // Логос. № 2. С. 235–270.

Белых А. А. (ред.) (2021а). Пушкин и финансы: [сборник статей] / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Белых А. А. (2021б). А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: [сборник статей]. М.: Изд. дом «Дело». С. 16–80.

Белых А. А. (2024б). Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? // Крестьянове дение. № 2. С. 20–38.

Боборыкин П. Д. (1965). Воспоминания в 2 т. М.: Художественная литература. Т. 1.

Боровой С. Я. (1958). Кредит и банки России. (Середина XVII в. — 1861 г.). М.: Госфиниздат.

Заозерский А. И. (1926). Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева / Памяти декабристов. Л.: Изд. АН СССР. Т. 2. С. 99–163.

Гоголь Н. В. (2012). Мертвые души. Полное собрание сочинений и писем в двадцати трёх томах. М.: Наука. Т. 7.

Долгих А. Н. (2016). А. С. Пушкин и крестьянский вопрос в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2 (64). С. 66–70.

Куницын А. С. (1818). Право естественное. СПб.

Летописи Государственного литературного музея. (1936). Кн. 1. М.: Журнально-газетное объединение.

Модзалевский Б. М. (1928). Примечания // Пушкин А. С. Письма. Т. 2. 1826–1830. М.: Государственное издательство.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Пушкин Ю. (1974). История пушкинского вклада // Вечерняя Москва. 30 ноября. № 280. С. 3.

Снежневский В. И. (1905). Материалы для истории крепостного хозяйства в Нижегородском уезде // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород. Т. VI. С. 10–75.

Федотов Г. П. (2000). Певец Империи и Свободы // *А. С. Пушкин*. Pro et Contra. Т. 2. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института. С. 149–168

Цявловский М. А. (1958). Представление «Деревни» Пушкина Александру I // Пушкин. Исследования и материалы». Т. II. М. — Л.: Изд-во АН СССР. С. 382–385.

Черейский Л. А. (1989). Пушкин и его окружение. Л.: ЛО изд. «Наука».

Pushkin as a landlord

Andrei A. Belykh, DSc (Economics), Deputy Head of the Centre of Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: abelykh@inbox.ru

Abstract. A. S. Pushkin wrote that “the spirit of literature” to some extent “depends on the financial status of writers”, which also applied to him. From an economic point of view, he played five roles: a civil servant, a writer and publisher, a card player, a landlord, and a family man. This article presents Pushkin as a landlord, although his upbringing and education did not prepare him for estate management; however, at that time, it was typical for most noblemen. The author identifies three periods in Pushkin’s activity as a landlord: 1830–1831 — landlord, 1834–1835 — manager, 1836 — heir. In 1830, Pushkin’s father gave him 200 peasants in the village Kistenevo, which was one of the factors of Pushkin’s marriage. Having pledged these peasants in the Safe Treasury for a loan of 40 thousand roubles, Pushkin was able to give a loan of 11 thousand roubles to Gonchrova’s mother, which was used as a dowry and, in addition, as a means of covering family expenses. In 1834, Pushkin realized that his family estate Boldino was in critical financial straits and decided to take over the estate management. He took another loan for the peasants already pledged by his father and changed the estate manager. However, Pushkin was not particularly successful, and in 1835 he refused to manage the Boldino estate. In 1836, his mother, the owner of Mikhailovskoye, died. Pushkin was one of the heirs and wanted to buy out the whole estate; however, financial and other circumstances did not allow him to do it. The article presents Pushkin’s income as a landlord — about 24 thousand roubles (before his landlord’s income was considered insignificant), i.e., 7.7% of his total income. Thus, Pushkin’s attempt to manage estate was a mistake, and the author shares Pushkin’s opinion that “the writer’s place is in his office”.

Key words: Pushkin, landlord, serfdom, Boldino, Mikhailovskoye, estate management

References

Aleksandr Sergeevich Pushkin. Documenty k biografii. 1830–1837 (2010) [Documents for the Biography. 1830–1837], Saint Petersburg: “Pushkinsky Dom”.

Aleksandr Sergeevich Pushkin. Documenty k biografii. 1979–1829 (2007) [Documents for the Biography. 1799–1829], Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.

Arkhiv Opeki Pushkina (1939) [Archives of Pushkin’s Trust]. Ed. and comm. by P. S. Popov, Moscow: Izd-vo Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya.

Belykh A. A. (2021b) A. S. Pushkin: dokhody i dolgi [A. S. Pushkin: Incomes and debts]. *Pushkin i finansy*, Moscow: Izd. dom “Delo”, pp. 16–80.

Belykh A. A. (2024a) Pushkin, semya, dengi [Pushkin, family, money]. *Logos*, no 2, pp. 235–270.

Belykh A. A. (2024b) Skolko stoilo pushkinskoe imenie Mikhailovskoye? [What was the price of Pushkin's family estate Mikhailovskoye?]. *Russian Peasant Studies*, no 2, pp. 20–38.

Belykh A. A. (Ed.). (2021a) *Pushkin i finansy* [Pushkin and Finance], Moscow: Izd. dom "Delo".

Boborykin P. D. (1965) *Vospominaniya v 2 t.* [Memoirs, in. 2 vols.], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, vol. 1.

Borovoy S.Ya. (1958) *Kredit i banki Rossii (seredina XVII v. — 1861 g.).* [Credit and Banks in Russia (Mid-18th — 1861)], Moscow: Gosfinizdat.

Chereisky L. A. (1989) *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and His Circle], Leningrad: Izd. "Nauka".

Dolgikh A. N. (2016) A. S. Pushkin i krestyansky vopros v Rossii [A. S. Pushkin and the peasant question in Russia]. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kulturologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*, no 2, pp. 66–70.

Fedotov G. P. (2000) Pevets imperii i svobody [Singer of empire and freedom]. *A. S. Pushkin. Pro et Contra*, Saint-Petersburg: Izd. RKhGI, vol. 2, pp. 149–168.

Gogol N. V. (2012) Mertvye dushi [Dead souls] *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 23 t.*, Moscow: Nauka, vol. 7.

Kunitsyn A. S. (1818) *Pravo estestvennoe* [Natural Law], Saint Peterburg.

Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya (1936) Kn. 1. [Chronicle of the State Literary Museum (1936) Book 1], Moscow: Zhurnalno-gazetnoe ob`edinenie.

Modzalevsky B. M. (1928) Primechaniya [Notes]. *Pushkin A. S. Pisma. T. 2: 1826–1830*, State Publishing House of the RSFSR.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij v 16 t.* [Complete Works in 16 vols.], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

Pushkin Yu. (1974) Istoriya pushkinskogo vklada [Story of Pushkin's deposit]. *Vechernyaya Moskva*, November 30, no 280, p. 3.

Snezhnevsky V. I. (1905) Materialy dlya istorii krepostnogo khozyajstva v nizhegorodskom uezde [Materials on the history of serfdom in the Nizhny Novgorod uyezd]. *Dejstviya Nizhegorodskoj gubernskoj uchenoj arkhivnoj komissii*, Nizhny Novgorod, vol. VI, pp. 10–75.

Tsyavlovsky M. A. (1958) Predstavlenie "Derevni" Pushkina Aleksandru I [Presentation of Pushkin's *Village* to Alexander I]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy*, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. II, pp. 382–385.

Zaozersky A. I. (1926) Vtoraya opravdatelnaya zapiska N. I. Turgeneva [Second defensive note]. *Pamyati dekabristov*, Leningrad: Izd. AN SSSR, vol. 2, pp. 99–163.